

ALFIYA SMIRNOVA (АЛЬФИЯ СМИРНОВА)

 <http://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

РОМАН-ТРАВЕЛОГ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ *ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД*: ОТ ИЗЖИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ К ПЕРСОНАЛЬНОЙ МИФЛОГИИ

GUZEL YAKHINA'S NOVEL-TRAVELOGUE *ECHELON TO SAMARKAND*:
FROM SURVIVING HISTORICAL TRAUMA TO PERSONAL MYTHOLOGY

The article examines the novel *Echelon to Samarkand* by Guzel Yakhina, dedicated to the Soviet past and the theme of «great hunger» of the early 1920s, which is interpreted as a collective trauma; analyzes the chronotope of the way, semantics of nomination of chapters structuring the development of the plot, architectonics of the novel; reveals the mindset to create a text that includes elements of myth, fairytale, parable, which promotes author's personal mythology and determined the metagenre specifics of the novel-travelogue. The analysis of the text shows that Yakhina's novel expression demonstrates a personal perception of the historical background of the disappeared country, "new historicism" in the understanding of the Soviet civilization.

Keywords: Gusel Yakhina, novel-travelogue, trip, historical trauma, personal mythology, new historicism

ВВЕДЕНИЕ

Изучение романа Гузель Яхиной *Эшелон на Самарканд* (2021) представляется актуальным по нескольким причинам: во-первых, это произведение стало третьим в ряду нашумевших предыдущих романов писательницы и вызвало предсказуемый интерес у читателей; во-вторых, он пока не отрефлексирован литературной критикой, в-третьих, сама форма романа-травелога, как и литература путешествий («travel literature»), недостаточно изучены, несмотря на продолжительную историю ее существования. Евгений Пономарев выдвигает как

[...] насущное требование современной истории литературы — проследить развитие литературного путешествия в русской литературе XVIII–XX вв.,

сделав особенный упор на путешествия XX века — периоде массовых путешествий и пике развития травелога¹,

что подтверждает актуальность его изучения в разных аспектах: теоретическом, историко-литературном, междисциплинарном и др.

Если на Западе литература путешествий начинает активно изучаться с 1950-х гг., то в России интерес к *travel literature* проявился позже, в 1990-е годы. В русском литературоведении термин «травелог» впервые употребил Александр Эткинд², и сегодня этот термин широко используется в науке. В 2010 г. в Москве вышел перевод с немецкого языка сборника статей *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*³, в 2016 г. в Новосибирске была издана коллективная монография *Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы*⁴, в марте того же года в Московском городском педагогическом университете прошла научно-практическая конференция *Травелог: рецепция и интерпретация*⁵. В настоящее время продолжается изучение травелога в разных ракурсах⁶.

¹ Е. Р. Пономарев, *Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Санкт-Петербург 2014, с. 8.

² А. М. Эткинд, *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах*, Новое литературное обозрение, Москва 2001.

³ В. С. Киссель (ред.), *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*. Сб. статей, перев. Г. А. Тиме, Новое литературное обозрение, Москва 2010.

⁴ Т. И. Печерская, Н. В. Константинова (ред.), *Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография*, Новосибирский гос. пед. ун-т, Новосибирск 2016.

⁵ Э. Ф. Шафранская (ред.), *Травелог: рецепция и интерпретация. Сборник статей*, Свое издательство, Санкт-Петербург 2016.

⁶ А. А. Майга, *Литературный травелог: специфика жанра*, «Филология и культура» 2014, № 3 (37), с. 254–259; А. Е. Козлов, *Травелог как форма времени журналистики XIX века (на материале журнала «Русский Вестник») // В. А. Зверев, Е. Е. Тихомирова (ред.), «Культура — это любовь к миру»: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве*, Новосибирский гос. пед. ун-т, Новосибирск 2017, с. 56–60; Н. В. Кривцов, *Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы*, «Вопросы теории и практики журналистики» 2017, т. 6, № 3, с. 347–365; А. А. Лазарев, *Паломнический травелог: жанрово-видовая идентификация*, «Известия ВГПУ» 2019, № 5 (138), с. 215–219.

В отечественной науке не существует единства как в терминологическом использовании понятия «травелог», так и в выборе исследовательских стратегий. Евгений Пономарев обращает внимание на необходимость четкого разделения в научном описании понятий «путешествие как поездка и путешествие как сочинение о поездке». «Семантический параллелизм путешествия и травелога подчеркивает метатекстовую природу литературы путешествий»⁷, — это замечание указывает на специфику формообразования травелога как метажанра. Кроме этого, необходимо разграничивать «‘вымышленное путешествие’ и ‘реальное путешествие’ (‘imaginary voyage’ и ‘real voyage’ в терминологии Филипа Гоува)»⁸, — отмечает Пономарев и предлагает вымышленные путешествия отнести к обычной беллетристике, т.к. «только реальные путешествия порождают травелоги (литературу путешествий)»⁹. И далее, со ссылкой на западные исследования, он формулирует структурный признак травелога:

[...] описание передвижения, организующее линейное развертывание текста. Маршрут путешественника во многом определяет и композицию, и жанровое строение произведения¹⁰.

Приведем ещё одно мнение, важное для последующего анализа романа *Эшелон на Самарканд*. Виктор Гуминский выделяет «особый вид литературных путешествий — рассказ о вымышленных, воображаемых странствиях с доминирующим идейно-художественным элементом, который в той или иной степени соответствует принципам построения документального путешествия»¹¹. Во втором разделе сборника статей *Травелоги: рецепция и интерпретация*, который называется *В поисках Земли обетованной*, представлены статьи, посвященные воображаемым странствиям¹².

Термином «травелог» сегодня обозначается достаточно широкое явление метажанровой природы. В качестве травелога может выступать практически любой текст — от документаль-

⁷ Е.Р. Пономарев, *Типология советского путешествия...*, с. 14.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В.М. Гуминский, *Странники и путешественники*, «Наш современник» 1996, № 1, с. 184.

¹² См.: А.И. Смирнова, *Мотив путешествия и метафизика странствия в прозе Гайто Газданова* // Э.Ф. Шафранская (ред.), *Травелоги...*, с. 144–156.

ных проскинитарий (памятник путевой литературы XVII века) до романа-путешествия, от путевого очерка до публицистических заметок. Наряду с термином «травелог» применительно к разнообразным текстам используется также понятие «дискурс странствий», которое объединяет две формы: *fiction* и *non-fiction*.

Цель анализа романа-травелога Гузель Яхиной *Эшелон на Самарканд* — осмыслить авторское видение мира, в котором материал, основанный на исторических реалиях и обращенный к теме «большого голода» начала 1920-х гг., художественно обрабатывается, преобразуясь в персональную мифологию, и реализуется в метажанровой форме травелога.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЯ

В 2000-е годы в России появляются произведения, в которых актуализируется тема советского травматического опыта XX века. В частности, наиболее болезненным и непроработанным историческим травмам — межнациональных отношений и массовых репрессий 1930-х гг. посвящены романы Александра Чудакова *Ложится мгла на старые ступени* (2000), Михаила Шишкина *Взятие Измаила* (2000), Людмилы Улицкой *Зеленый шатер* (2010), Натальи Громовой *Ключ. Последняя Москва* (2013), Гузель Яхиной *Дети мои* (2018), Сухбата Афлатуни *Рай земной* (2019), а также повесть Лидии Чуковской *Прочерк*, опубликованная лишь в 2009 году¹³. В своем третьем романе *Эшелон на Самарканд* (2021) Яхина вновь обращается к прошлому страны и, осмысливая травматический опыт народа, стремится «обобщить коллективный опыт проживания голода»¹⁴. Связь между ее романами выражается во внимании к трагическим эпизодам советской истории 1920–1930-х гг.: раскулачиванию, репрессиям, депортации, разрухе, тотальному голоду. *Зулейха открывает глаза* (2016), *Дети мои*

¹³ См.: В. В. Кириллов, Е. А. Токарева, Э. Ф. Шафранская, *К обсуждению темы репрессий 30-х гг. XX в. в современном образовательном процессе*, «Вестник московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование» 2017, № 4, с. 124–132.

¹⁴ «Кибиточное состояние»: Гузель Яхина о советском человеке, медиа-скандалах и тяжелых компромиссах, 24.03.2021, бесед. с М. Лащевой, <https://www.forbes.ru/forbes-woman/424303-kibitochnoe-sostoyanie-guzel-yahina-o-sovetskom-cheloveke-media-skandalah-i> (25.01.2022).

и *Эшелон на Самарканд* представляют собой единый роман-ный текст, контрапунктом которого является автобиографический компонент. Особый интерес к «непрошедшему времени», к травматическому опыту старших поколений, объясняется писательницей тем, что через историю семьи она пытается понять происходящее в наше время:

Что происходит с нашими семьями, как поколение бабушек и дедушек воспитывало своих детей, нынешних родителей. [...] Вот эти вопросы для меня очень важны. И я, создавая все три романа, пыталась в чем-то разгадать свою семейную историю, сделать ее ближе мне. А так как мы все в одной стране и многие травмы у нас общие, понятно, что о раскулачивании тема отозвалась и в сердцах других людей. Или тема с голодом — это тоже будет понятно многим¹⁵.

Автобиографический характер прозы Яхиной, стремление понять происходящее в наши дни через историю своей семьи и страны — это и попытка изжить «травмы прошлого», многие из которых «так и не были проработаны ни формально, ни психологически. Лучший способ избавиться от них — говорить, приводить факты, доставать из спецхранов документы»¹⁶, — так в одном из интервью автор раскрывает свой способ работы с материалом, объясняет собственную оптику, в фокусе которой соединяются личное и общее, частная жизнь семьи и большая история страны.

Связь романов с историей ее семьи подчеркивается писательницей посвящениями: *Зулейха открывает глаза* — памяти бабушки Раисы Шакировны Шакировой, *Дети мои* — «Моему дедушке, деревенскому учителю немецкого», а *Эшелон на Самарканд* — «Моему папе Шамилю Загреевичу Яхину». Посвящение отцу объясняется еще и тем, что он ушел из жизни в те дни, когда роман близился к завершению. Комментируя в одном из интервью события, описанные в этом романе, Яхина вспоминает:

— Мой дедушка, папин отец, был рожден в 1909 году в многодетной крестьянской семье. Вскоре после 1917 года начались голодные времена,

¹⁵ Гузель Яхина о новой книге «Эшелон на Самарканд», теме голода и критике, бесед. с Олесей Роженцовой, 02.04.2021, <https://www.5-tv.ru/news/337418/guzel-ahina-onovoj-knige-eselon-nasamarkand-teme-goloda-ikritike-01/> (23.01.2022).

¹⁶ Г. Яхина, *Когда нам больно, мы кричим*, бесед. с Сергеем Николаевичем, 10.03.2021, <https://snob.ru/entry/204721/> (23.01.2022).

и мальчика отдали в детский дом. Всех детей семье было просто не прокормить. Дедушка бродяжничал, в начале 20-х годов его с другими беспризорниками отправили на эвакопоезде в Туркестан, куда живыми доехала лишь половина детей. В Туркестане дедушка вновь бродяжничал и через пару лет вернулся в Красную Татарию¹⁷.

Эта «семейная сага» повлияла на долго вынашиваемый замысел создания лирической повести о беспризорниках, о

[...] мальчишках 20-х годов прошлого века, о том, как они собираются в коммуне для дефективных подростков, так называли тогда подростков с криминальным прошлым, и как у них пробуждаются их чувства¹⁸.

Однако, когда Яхина погрузилась в материал 1920-х годов, поняла, что главной темой в стране в это время был голод. По признанию писательницы, страшно было братья за тему «большого голода», который продолжался в стране с 1918 по 1922 годы, но в итоге тема «победила» ее и подчинила себе остальные темы в романе.

Маршрут путешествия определил сюжетостроение романа и хронотоп пути. События в тексте хронометрируются с документальной точностью — год, месяц, день, время суток, также указываются реальные локусы — от Казани до Самарканда с промежуточными станциями маршрута поезда.

Четыре тысячи верст — ровно столько предстояло пройти санитарному поезду Казанской железной дороги до Туркестана. Но самого поезда еще не было — приказ о его формировании был подписан вчера, девятого октября двадцать третьего года¹⁹.

Начальником эшелона был назначен фронтовик Гражданской войны Деев, двадцати с небольшим лет, которому предстояло собрать по детским домам и приемникам «пятьсот душ» детей, от двух до двенадцати лет, самых слабых и истощенных, и доставить их из Казани в Самарканд. Эшелон для детей «в количестве восьми вагонов, включая походную церковь и полевую кухню»,

¹⁷ С. Хустк, «Я боялась, что читатель не захочет взять книгу в руки»: интервью с Гузель Яхиной, 20.05.2021, <https://takiedela.ru/2021/05/chitatelne-zakhochet-vzyat-knigu-v-ruki/> (23.01.2022).

¹⁸ Гузель Яхина о новой книге...

¹⁹ Г. Яхина, *Эшелон на Самарканд: роман*, АСТ, Редакция Елены Шубиной, Москва 2021, с. 11. Далее цитирую по тому же изданию с указанием страницы в скобках.

был составлен из сборных вагонов и за «разнообразие цветов и мастей» сразу же был прозван «гирляндой» (с. 13).

Тема «большого голода» не только подчиняет себе побочные темы, голод становится мучительным наваждением для пассажиров эшелона-гирлянды и вносит свой распорядок в движение поезда к конечной цели. Планировавшиеся две недели пути оказались длительным путешествием со своими происшествиями: в дороге умирают ослабленные больные дети из лазарета, их хоронят тут же, возле железнодорожных путей, а их место в эшелоне занимают тринадцать беспризорников, добровольно примкнувших к эшелону; заболевает Деев — единственный добытчик еды и топлива. Эффект достоверности в описании происходящего в романе достигается благодаря доскональному авторскому знанию исторических и бытовых реалий, работе с архивами, знакомству с хроникой и материалами прессы 1920-х годов. Вот несколько примеров:

Смерть принимала разные обличья: эпидемии, голод, лютые зимы, лютая бедность, лютый бандитизм. ... Свирепствовали болезни: тиф сожрал три миллиона граждан, «испанка» — еще три. Свирепствовал голод: тридцать пять губерний — девяносто миллионов человек — который год стенали непрерывно «хлеба!» И пусть газеты уже докладывали робко, что голод побежден, в Поволжье знали — еще нет, и на Украине знали, и на Урале, и в Крыму» (с. 84).

После замены разверстки продналогом стало и вовсе невозможно, начался голод. Крестьяне громили пункты сбора скота и ссыльные пункты. Болели холерой и тифом, пухли. Жгли дома коммунистов, сельсоветы, выходили на голодные бунты... За кражу куска сала или горсти потрохов могли убить — самосуды стали быстры и жестоки. Пили самогон: умирать пьяными казалось легче» (с. 174).

И еще одно описание, которое, не будучи очевидцем, невозможно придумать, если не воспользоваться документально зафиксированными свидетельствами голодающих:

Лучший суррогатный хлеб получался с просом, овсом и отрубями. Очень даже неплохой — со жмыхами всех сортов. Вовсе невкусны — со мхами и травами: крапивой, лебедой, корнями одуванчика, рогозом, камышом и кувшинками. Вредными суррогатами считались конский щавель, акация, липовая стружка и солома — даже свиньи не жаловали соломенную муку. Еще в хлеб толкли желуди и мягкое дерево — липу, березу, сосну, — но есть древесный хлеб умели не все. И кровавой хлеб готовить умели тоже не все (с. 113).

В описании голода и смертей автору труднее всего было избежать натурализма, и чувство меры Яхиной не изменило. Однако даже редкие примеры на грани натурализма, имеющиеся в тексте, поражают ужасом и будничностью происходящего. Председатель сельсовета рассказывает комиссару Белой о состоянии дел в деревне:

Кто еще в люльке — не быстро умирают, не мучаются. А вот кто на ноги встал — им труднее. Грызут себе пальцы, до костей обглаживают. Тянутся жевать что не попадая — ремни, веревки, старые лапти — и задыхаются, не умея проглотить. Болеют разным: тифы, цинга, червяки во рту. У кого — язвы по всему телу, незаживающие (с. 166).

И в следующем абзаце председатель сельсовета говорит о том, как от голода люди сходят с ума. А на следующей странице, уже прощаясь с Белой, делится еще одной человеческой драмой: «Двух дочек малолетних не мог прокормить — задушил их периной, чтобы не мучились. А до того уже и могилу вырыл, и гроб модельный заготовил, один на двоих» (с. 167).

Пожалуй, после *Солнца мертвых* (1923) Ивана Шмелева в русской литературе не было написано о голоде начала 20-х годов ничего, равного роману *Эшелон на Самарканд*. Гузель Яхина, описывая обезчеловечивающие и лишающие рассудка ужасы голода, предупреждает о разрушительных последствиях этого травматического опыта. По словам писательницы,

Все это не могло в дальнейшем не сказаться на моральном и физическом здоровье нации. Это вело к деформации семейных связей. Как может относиться к институту семьи мальчик, которого сдали в детский дом? Наверное, у него будут странные, сложные отношения с собственными детьми. Это такая травма, которая не излечивается за одно поколение, а ее последствия в том или ином виде продолжают распространяться дальше, как эпидемия²⁰.

Здесь речь идет о факте из жизни семьи Яхиной: в начале 20-х годов ее деда, в ту пору мальчика Загрейку (одноименный персонаж есть в *Эшелоне на Самарканд*), родители определяют в детдом, чтобы спасти его от голода. Яхина пытается донести до читателя мысль, что на генетическом уровне непроработанный травматический опыт передается далее по наследству — такова плата за пережитые исторические травмы.

²⁰ Г. Яхина, *Когда нам больно...*

Роман делится на семь глав, и особый интерес вызывают их заглавия, которые не связаны непосредственно с путевым маршрутом эшелона, а определяются «символикой чисел». Некоторые из заглавий образованы от числительных, выбор которых продиктован числом спасаемых «душ» детей, количеством взрослых, ответственных за них (Деев, комиссар Белая, фельдшер Буг, Фатима — мать всех болящих и несчастных): *Пять сотен, Вдвоем, Чертова дюжина, Один, Вычитание и сложение, И Снова пять сотен, Трое*. Числа, номинирующие главы, символизируют бесстрастный статистический учет человеческих жизней во время революций и войн, когда жизнь обесценивается и замещается цифровым эквивалентом принесенных жертв. Наряду с этим числовая символика, связанная с главной темой и сюжетом, несет в себе онтологический смысл. В одном из интервью, касаясь архитектоники романа, Яхина комментирует свой выбор названий глав:

Комиссар Белая — принципиальная и абсолютно профессиональная, она оперирует не чувствами, но статистикой. Не зря же в книге достаточно много разных цифр, и даже главы романа названы числительными, чтобы подчеркнуть, что статистика важна. А также что она ужасна, если только ею мерить детские жизни²¹.

Гузель Яхина свободно оперирует документально подтвержденными сведениями о количестве жертв во время голода начала 1920-х годов, о чем свидетельствуют и текст романа, и многочисленные интервью писательницы²². В романе есть эпизод, когда обезумевшая мать, спасая от голодной смерти своего ребенка, сует сверток с ним под ноги Дееву, стоящему на подножке вагона поезда, набирающего ход. После чего у начальника эшелона появляется еще одна головная боль: где и как раздобыть молоко для грудничка, которого поручено выхаживать Фатиме. В произведении параллельно развиваются два мотива: невинной жертвы (умирающие от болезней истощенные дети) и спасения (дети, оставшиеся в живых и добравшиеся до Самарканда).

Авторская мифология в романе основана на мотиве спасения детей, представленного как путешествие в Землю обетованную, в сытный и солнечный Самарканд, куда устремлен эшелон с бес-

²¹ «Кибиточное состояние»: Гузель Яхина о советском человеке...

²² См.: Г. Яхина, *Когда нам больно...*

призорниками. Галина Тиме обратила внимание на характерную особенность, присущую травелогам прошлого века:

В XX веке жанр «путешествий», как стремившийся к *преодолению* конкретного пространства и времени, оказался наиболее «подготовлен» к мифологизации²³.

Опасаясь, что нагнетание ужасов распадающегося мира с голодом, разрухой, моральным падением человека оттолкнет читателя от романа, Гузель Яхина ищет «то, что уравновесит тяжелую тему». И определяет для себя в качестве противовеса этой теме несколько вещей:

Это и жанр, отсылающий к античному мифу, — большое приключение, состоящее из многих мелких приключений: довести истощенных детей до Туркестана, не имея еды, воды, одежды, обуви и даже топлива для паровоза. Это и кинематографичность сюжета... Это и любовная линия, которая разворачивается от момента знакомства взрослых героев до их расставания. Ну и тема детства²⁴.

Перед читателем романа предстает «чередa увлекательных и страшных приключений в пути», как оценивает их автор. Обширная география и меняющийся по мере продвижения эшелона в Самарканд ландшафт (леса Поволжья, степи Казахстана, пустыни Кызыл-Кума, горы Туркестана), панорама судеб и характеров, детских историй и человеческих драм, потерь и обретений. Среди них — добывание изобретательным и бесстрашным, простодушным и смекалистым начальником эшелона Деевым пищи для детей. И всякий раз в чудесной помощи случайных встречных на пути следования эшелона с детьми реализуется сказочный мотив и выстраивается персональная мифология автора с идеей победы добра над злом, жизни над смертью, торжества порядка над хаосом. Гузель Яхина, комментируя произведение, обращает внимание читателей на «элементы мифологии», вкрапленные в текст:

Капитолийская волчица, есть и игла, завернутая во многие оболочки, есть суп из топора, есть главный герой, который сам себя называет часто дураком, потому что действительно он в чем-то похож на Ивана-дурака, и так

²³ Г. Тиме, *Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы)*, В. С. Киссель (ред.), *Беглые взгляды...*, с. 239.

²⁴ С. Хустк, «Я боялась, что читатель не захочет взять книгу в руки»...

далее. И вот на этом мифологическом уровне я рассказываю о том, что человеческое — это условие выживания любого общества²⁵.

Эта мысль концептуально формирует персональную мифологию Яхиной. Первая забота Деева — до отправления эшелона — в кратчайшие сроки найти «пять сотен пар» обуви, чтобы дети могли в октябре месяце строем добраться до вокзала. невыполнимая задача решается с помощью начальника военной академии: через день обещание было выполнено, дети не только смогли добраться до эшелона: «Сапоги — одна тысяча штук, пять сотен левых и пять сотен правых, — шуршали по брусчатке» (с. 55), но и безвозмездно получили пятьсот штук белых нательных рубах, подаренных курсантами военной академии. В этой же, семнадцатой, подглавке первой главы Деев, радуясь проявлению доброты курсантов, пожелавших отдать детям свои исподние рубахи, понимает, «что есть на земле братство — истинное братство незнакомых, но близких людей» (с. 72).

Следующая забота Деева — добыть детям пропитание. На станции Свияжск герой попадает в бывший купеческий особняк к оголтелым пьяным чекистам, понимая, что никто ему не поможет, кроме них, т.к. чекисты знают, у кого в голодное время можно отнять запасы еды. Главный среди чекистов оказывается сослуживцем Деева, они вместе воевали в этих местах летом 1918 года. И рискуя жизнью, Деев получает желаемое, т.к., по словам Лысого, «— Детям — ничего не жалко! Детям — всё!» (с. 122). Кроме срубленной яблони с плодами на ветках чекисты доставляют к эшелону несколько туго набитых объемистых мешков, в которых перемешались «картошка с брусками сала, овес в разбитых яйцах, а сушеные ягоды облепили воблу» (с. 127), корзины с живыми курами, бутыль молока и кринку сметаны. И это стало ещё одним чудом в череде испытаний на пути к спасению: в поисках провианта для детей Деев попадает к бандитствующим белоказакам и снова рискует жизнью, затем оказывается в логове басмачей, но и те, и другие проявляют к детям милосердие и человечность — во имя спасения самих себя.

²⁵ «Кибиточное состояние»: Гузель Яхина о советском человеке...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В *Эшелоне на Самарканд* голод начала 1920-х гг. осмысливается как коллективная травма, не проходящая бесследно. И именно поэтому автор отдает предпочтение притче, которая заключает в себе назидание и предостережение и, что особенно важно, указывает путь спасения. Назидательный смысл романа видится в том, что историческая травма осмысливается писательницей как неизжитое прошлое.

Метажанровая природа романа-травелога позволяет автору раскрыть свое видение советской истории на начальном этапе становления политической власти в стране, соотнести низкое и высокое в человеке, злободневное с вневременными духовными опорами, противопоставить последствиям исторической катастрофы и небытию свою персональную мифологию, позволяющую реализоваться гуманистической идее, сформулированной автором в беседе с Марией Лацевой: «В людях больше человеческого, чем звериного», и даже в самых суровых людях в критический момент может проснуться человеческое. По словам писательницы,

[...] иногда это человеческое может стать объединяющим, благодаря этому общество и выживает. Именно об этом я рассказываю притчу: с метафорами, с явным совершенно мифологическим подтекстом²⁶.

Притчевость повествования проявляется в романе и в истории героев романа — Деева и Загрейки, «соединенных» автором и неразлучных. В этих образах воплотился тип советского человека — с его заблуждениями, самопожертвованием, слепой верой, тип, в котором противоречиво соединяются жертвенное и героическое начала. «В биографии Деева сочетание, с одной стороны, многих убийств, а с другой, по-настоящему героических поступков. В этом мне видится суть советского»,²⁷ — замечает писательница.

Публикация первого романа Гузель Яхиной *Зулейха открывает глаза* свидетельствовала не только о появлении нового имени в современной русской прозе, но и об особом авторском видении советского прошлого, о новом качестве историзма.

²⁶ «Кибиточное состояние»: Гузель Яхина о советском человеке...

²⁷ Там же.

Последующие два романа — *Дети мои* и *Эшелон на Самарканд* — вписываются в новую парадигму историзма, суть которого не сводится к изложению исторических событий, а выражает интерес к участи людей в потоке исторического времени. Александр Эткин, характеризуя новое направление в современной литературе, получившее в американской филологии обозначение «новый историзм», определяет его как «историю не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу»²⁸. Именно в русле этого нового направления сегодня развивается творчество Гузель Яхиной.

REFERENCES

- Etkind, Aleksandr. *Tolkovaniye puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2001 [Эткин, Александр. *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001].
- Guminskiy, Viktor. “Stranniki i puteshestvenniki.” *Nash sovremennik* 1996, no. 1: 181–191 [Гуминский, Виктор. “Странники и путешественники.” *Наш современник* 1996, no. 1: 181–191].
- “Guzel’ Yakhina o novoy knige ‘Eshelon na Samarkand’, teme goloda i kritike, besed. s Olesey Rozhentsovoy [Гузель Яхина о новой книге “Эшелон на Самарканд”, теме голода и критике, бесед. с Олесей Роженцовой] <<https://www.5-tv.ru/news/337418/guzel-ahina-onovoj-knige-eselon-nasamarkand-teme-goloda-ikritike-01/>>.
- Khustk, Svetlana. “Ya boyalas’, chto chitalatel’ ne zakhochet vzyat’ knigu v ruki’: interv’yu s Guzel’ Yakhinoy [Хустк, Светлана. “Я боялась, что читатель не захочет взять книгу в руки’: интервью с Гузель Яхиной] <<https://takiedela.ru/2021/05/chitalatel-ne-zakhochet-vzyat-knigu-v-ru-ki/>>.
- “Kibitochnoye sostoyaniye’: Guzel’ Yakhina o sovet-skom cheloveke, media-skandalakh i tyazhelykh kompromissakh,” besed. s M. Lashchevoy [“Кибиточное состояние’: Гузель Яхина о советском человеке, медиа-скандалах и тяжелых компромиссах,” бесед. с М. Лащевой] <<https://www.forbes.ru/forbes-woman/424303-kibitochnoe-sostoyanie-guzel-yahina-o-sovetском-cheloveke-media-skandalah-i->>.
- Kirillov, Viktor at all. “K obsuzhdeniyu temy repressiy 30-kh gg. XX v. v sovremennom obrazovatel’nom protsesse.” *Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* 2017, no. 4: 124–132 [Кириллов, Виктор. Токарева, Елена. Шафранская, Элеонора. “К обсуждению темы репрессий 30-х гг. XX в. в современном образовательном процессе.” *Вестник московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование* 2017, no. 4: 124–132].
- Beglyye vzglyady: Novoye prochteniye russkikh travelogov pervoy treti XX veka. Sbornik statey*. Kissel’, Vol’fgang Stefan (Ed.). Transl. Time, Galina. Moskva:

²⁸ А. Эткин, *Толкование путешествий...*, с. 416.

- Novoye literaturnoye obozreniye, 2010 [*Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*. Сборник статей. Киссель, Вольфганг Стефан (Ed.). Перев. Тиме, Галина. Москва: Новое литературное обозрение, 2010].
- Kozlov, Aleksey. "Travelog kak forma vremeni zhurnalistiki XIX veka (na materiale zhurnala 'Russkiy Vestnik')." *"Kul'tura — eto lyubov" k miru": Sibir', Rossiya, mir v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve*. Zverev, Vladimir, and Tikhomirova, Yelena (Eds.). Novosibirsk: Novosibirskiy gos. ped. un-t, 2017: 56–60 [Козлов, Алексей. "Травелог как форма времени журналистики XIX века (на материале журнала 'Русский Вестник')." *"Культура — это любовь к миру": Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве*. Зверев, Владимир, and Тихомирова, Елена (Eds.). Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2017: 56–60].
- Krivtsov, Nikolay. "Tr-avel-zhurnalistika: spetsifika napravleniya i yego probleme." *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 2017, no. 3–6: 347–365 [Кривцов, Николай. "Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы." *Вопросы теории и практики журналистики* 2017, no. 3–6: 347–365].
- Lazarev, Aleksandr. "Palomnicheskii travelog: zhanrovo-vidovaya identifikatsiya." *Izvestiya VGPU*, 2019, no. 5 [Лазарев, Александр. "Паломнический травелог: жанрово-видовая идентификация." *Известия ВГПУ* 2019, no. 5: 215–219].
- Mayga, Abubakar. "Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra." *Filologiya i kul'tura* 2014, no. 23: 254–259 [Майга, Абубакар. "Литературный травелог: специфика жанра." *Филология и культура* 2014, no. 23: 254–259].
- Ponomarev, Yevgeniy. *Tipologiya sovetskogo puteshestviya: 'Puteshestvie na Zapad' v russkoy literature 1920–1930-kh godov*. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk, Sankt-Peterburg, 2014 [Пономарев, Евгений. *Типология советского путешествия: 'Путешествие на Запад' в русской литературе 1920–1930-х годов*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2014].
- Russkiy Travelog XVIII–XX vekov: marshruty, topozy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya*. Pecherskaya, Tat'yana, and Konstantinova, Natal'ya (Eds.). Novosibirsk: Izdatel'vo NGPU, 2016 [*Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография*. Печерская, Татьяна, and Константинова Наталья (Eds.) Новосибирск: Издательство НГПУ, 2016].
- Smirnova, Al'fiya. "Motiv puteshestviya i metafizika stranstviya v proze Gayto Gazdanova." *Travelogi: retseptsiya i interpretatsiya. Sbornik statey*. Shafranskaya, Eleonora (Ed.). Sankt-Peterburg: Svoye izdatel'stvo, 2016: 144–156 [Смирнова, Альфия. "Мотив путешествия и метафизика странствия в прозе Гайто Газданова." *Травелог: рецепция и интерпретация. Сборник статей*. Шафранская, Элеонора (Ed.). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016: 144–156].
- Time, Galina. "Izgnaniye kak puteshestviye: russkiy vzglyad Drugogo (1920-ye gody)." *Beglyye vzglyady: novoye procheniye russkikh travelogov pervoy tre-ti XX veka: sbornik statey*. Kissel', Vol'fgang Stefan (Ed.). Perv. Time, Galina. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010: 235–246 [Тиме, Галина. "Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы)." *Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века*:

РОМАН-ТРАВЕЛОГ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ...

сборник статей. Киссель, Вольфганг Стефан (Ed.). Перев. Тиме, Галина. Москва: Новое литературное обозрение, 2010: 235–246].

Travelogi: retsepsiya i interpretatsiya. Sbornik statey. Shafranskaya, Eleonora (Ed.). Sankt-Peterburg: Svoye izdatel'stvo, 2016 [*Травелогги: рецепция и интерпретация. Сборник статей*. Шафранская, Элеонора (Ed.) Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016].

Yakhina, Guzel'. *Eshelon na Samar kand: roman*. Moskva: AST, 2021 [Яхина, Гузель. *Эшелон на Самарканд: роман*. Москва: АСТ, 2021].

Yakhina, Guzel'. *Kogda nam bol'no, my krichim*. Besed. s Sergeyem Nikolayevichem [Яхина, Гузель. *Когда нам больно, мы кричим*. Бесед. с Сергеем Николаевичем] <<https://snob.ru/entry/204721/>>.